

Нижегородское прошлое

(Из воспоминаний об А. М. ГОРЬКОМ)

Старый нижегородский острог, в котором в дни своей молодости сидел Алексей Максимович, имеет свою историю.

В отличие от старых арестантских рот он назывался первым тюремным корпусом. Для него придумано было и ласковое название «тюремный замок», но в житейском обиходе он чаще всего назывался просто: острог.

Нижегородский острог, как и старый кафедральный собор — николаевской постройки. Железные квадратные плиты, искривленные, разошедшиеся на стыках, с выпуклыми тиснениями, благодаря которым не скользила на железе усталая нога в арестантских «котах».

Железо на полу, железо на ногах заключенных, железные решетки.

Сидя в нижегородском «замке» в 1901 году Алексей Максимович писал «на волю» об этих железных тисках — решетках старой жизни:

Сквозь железную решетку
С неба грустно смотрят звезды...

Ах, в России даже звезды
Светят людям сквозь решетку.

* * *

Одним из близких и любимых родственников Алексея Максимовича в Нижнем был его двоюродный брат и друг детства Александр Михайлович Каширин.

«Кроткий мечтатель» — звал его писатель. Александр Каширин был обитатель нижегородской «Миллионки». Опустившись на «дно», Каширин не мог выбраться оттуда до смерти: умер молодым, от чахотки.

Жизнь Александра Каширина в «Миллионке» и близость этого человека к Алексею Максимовичу Горькому способствовала частому посещению последним нижегородского «дна». Встречи с братом, обитателем ночлежки, давали писателю возможность более ярко и полно запечатлеть в памяти картины жизни в ночлежках и отдельные типы их обитателей.

Насколько тщательно производил писатель этот отбор, можно судить по его позднейшим просьбам, письменным и личным, к окружающим близким людям — помочь ему в этом деле. В 1902 году он писал из Арзамаса нижегородскому фотографу М. П. Дмитриеву:

«Уважаемый Максим Петрович. Я покорно просил бы Вас сделать снимок с натуры актера Соколовского. Вы, наверное, знаете его. Пожалуйста, при случае, увековечьте, мне эта фигура очень нужна. Затем, не найдете ли среди золотой роты чью-нибудь физию побойчее — нужна рожа озорника для грима в новой моей пьесе».

Кто был актер Соколовский, фигуру которого писатель просит «увековечить»?

В девяностых годах прошлого столетия обыватели города нередко встречали на улицах, глав-

ным образом на центральной — Большой Покровке, — очень интересного по внешности и костюму человека. Жгучий брюнет с длинной курчавой шевелюрой, черные глаза, черные усы и небольшая эспаньолка, интеллигентное, выразительное лицо, барская картавая речь без намека на характерное нижегородское «оканье» — все это как бы выделяло брюнета из среды рядовой нижегородской публики. Оригинален был и костюм его: брюнет с эспаньолкой появлялся на улицах города босой и в одном нижнем белье, его длинная ночная сорочка, распашнутая на груди, не имела даже пояса. При встрече с некоторыми лицами «человек в белье» оставивал их изящным барским жестом:

— Извиняюсь... На одну минуту. Только на минуту...

— Да... что вам угодно?

— Артист... Соколовский-Колосовский... Объясню кратко: всего пара насущных необходимых слов. Жизненное равновесие резко нарушено. Несколько мелких, ничтожных монет восстановят его...

— Мерси... Бьен мерси...

И так до новой подходящей встречи. Жизненное равновесие восстанавливалось в одном из трактирчиков, расположенных в улицах, прилегающих к центральной Большой Покровке.

В дни частых запоев Соколовский называл себя «артистом». Нередко дополнял свою фамилию новой и, рекомендуясь встречным, говорил:

— Известный провинциальный артист Колосовский.

Присвоение звания «артиста» — это был прием, рассчитанный на большую снисходительность и внимание публики к опустившемуся человеку. Что касается «артиста Колосовского», то таковой существовал, но это был брат «человека в белье», ничего общего со сценой не имевшего.

Былое прошлое — мрачное, убивающее все яркое и талантливое, — жизнь людей, придавленных этим прошлым, выброшенных за борт и опустившихся на «дно», — это все интересовало, захватывало писателя. Люди «дна» — гордые, оригинальные, как своеобразные «особи» не ходили на людей мещанского мира, представляющих из себя по облику и духовному содержанию — штампованные пятаки. Смятые и униженные люди «дна» гордо проходили на жизненном смотрю перед пытливым взором писателя. Каждому из них он давал оценку, характеристику, каждого из проходящих перед ним униженных людей он искренно любил, отыскивая в наружно плохом — внутреннее хорошее.

«Рожи кривы не потому, что желают быть кривыми, — говорил писатель, — а оттого, что в жизни действует некая всех и все уродующая сила, которую и надо отражать, а не искривленных ею».

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ.